
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОЙНЫ: НЕРЕШЕННАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Рябченко Н. П.*

Войны сопровождают человечество с глубокой древности и тесно связаны с его историей. Наиболее общие причины войн: демографическое давление, влияние восточно-западной динамики, эволюция патриархального строя. В условиях глобализирующегося мира обострение существующих и не находящихся разрешения противоречий чревато большими потрясениями и войнами. Развитие вооружений в его высшей точке – ракетно-ядерном оружии – дало человечеству средства выхода в космос, проникновения в микромир, и это открывает широчайшее поле мирной деятельности. Но даже при отказе от использования оружия остается нерешенной проблема насилия, которое может осуществляться более тонкими методами, путем воздействия на сознание и психику людей, что имеет место в информационных и психологических войнах.

Ключевые слова: война, оружие, насилие, демографические циклы, Запад, Восток, патриархат.

Wars have accompanied mankind since ancient times and are closely connected with its history. The most common causes of wars: demographic pressure, the influence of the east-west dynamics, and evolution of the patriarchal system. In the globalizing world the exacerbation of existing and not resolved contradictions is fraught with great upheavals and wars. The development of weapons to the highest point – nuclear and missiles weapons gave humankind an opportunity to access space, as well as to penetrate the microcosm, and it opens a wide field of peaceful activities. But even if the weapons are not used there remains the problem of violence, which may be imposed via more subtle methods of affecting human consciousness and psyche that occurs in the course of information and psychological wars.

Keywords: war, weapons, violence, demographic cycles, West, East, patriarchy.

В своих гуманистических устремлениях человечество стремится к миру, но войны сопровождают его на протяжении всей истории, включая наши дни. Почему же так происходит и что нас ждет в будущем, как ближайшем, так и более далеком?

* Рябченко Николай Павлович – к. и. н., с. н. с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. E-mail: ranaut@mail.ru.

Причины войн в целом хорошо известны. С наступающей стороны это стремление захватить ресурсы противника, прежде всего его территорию как основной их источник, с обороняющейся стороны – защита своей территории, борьба за свободу и независимость. Также нередки внутренние войны, связанные с противоборством социальных, политических и религиозных сил внутри страны. Испокон веков внешние войны использовались и для внутренних целей: преодоления назревающих противоречий и сплочения общества.

Есть и менее очевидные причины. Пожалуй, основная – способ утилизации избыточного продукта производящей экономики. Для поддержания внутренней стабильности экономически достаточно развитого общества избыток его сил можно направить на строительство пирамид, защитных стен и т. п., но можно в качестве отводящего канала использовать подготовку и ведение войн. Если строительство пирамид – достаточно редкое явление, то войны стали самым распространённым, практически универсальным способом перераспределения и утилизации избыточных ресурсов социумов. Ярким примером этого стала Вторая мировая война, оказавшаяся наиболее эффективным средством преодоления кризиса перепроизводства в мировой экономике [Глобалистика... 2006: 137–138]. В наши дни стимулированию экономической конъюнктуры служат локальные войны.

Более глубокий уровень проблемы связан с пониманием истории и ее механизмов, охватывающих все варианты и частные случаи возникновения войн. История есть не что иное, как движение человечества во времени и пространстве. Войны как раз и выступают одним из существенных проявлений этого движения. Выражается это в перемещении людей, войск и мирных жителей, в демографическом движении населения – его убыли, связанной с военными действиями и тяготами военного времени, повышении рождаемости в послевоенный период, компенсирующем эту убыль, смешении местного и пришлого населения, в социальных изменениях. Войны также задают культурное, ментальное, эмоционально-психическое движение, связанное как с военной службой и военными действиями, так и со знакомством с жизнью других стран и народов.

Можно сколько угодно перечислять причины возникновения войн, но не продвинувшись в решении этой проблемы, пока она не будет связана с основными движущими силами истории. Так как мы живем «внутри» очень протяженной во времени истории человечества, нам трудно выявить эту связь, но постепенно приходит понимание, что это за силы и как они действуют. При этом важно помнить, что человек, какого бы высокого мнения о себе, своем положении в мире и достижениях человеческой цивилизации он ни был, все же остается частью природы, и это имеет фундаментальное значение.

Связь человека с природой проявляется прежде всего в питании. Мальтузианство исходит из вполне очевидного тезиса, гласящего, что численность населения ограничена возможностями его пропитания. В XX в. неомальтузианство стало активно связывать численность населения с протеканием социально-экономических и политических процессов. В начале 1920-х гг. известный английский экономист Дж. Кейнс обратил внимание на то, что Первой мировой войне и революциям того времени предшествовал резкий рост народонаселения. Наиболее значительным он был в России – наполовину за период в четверть века до начала войны. Вывод о связи этих фактов напрашивался сам собой [Кейнс 1924]. В дальнейшем ученые разных стран продолжили всестороннее исследование демогра-

фических процессов, главным образом в истории Европы, выявили их циклический характер и закономерное влияние роста численности населения на снижение потребления, ведущее в доиндустриальных обществах к нарастанию социального напряжения и гражданским войнам.

В начале 90-х гг. американский ученый Дж. Голдстоун, не относящий себя к неомальтузианцам, выдвинул демографически-структурную теорию, согласно которой в условиях усиливающегося демографического давления идет конкуренция за ресурсы между народом, государством и элитой. Государство может проводить политику, не отвечающую интересам элиты и народа, тогда нарастание этих противоречий может привести к слому государства, народным восстаниям и гражданским войнам. Российский историк С. А. Нефедов развил демографически-структурную теорию и совместно с П. Турчиным показал, что рост населения все-таки упирается в ограниченные возможности увеличения потребления. Он предложил концепцию демографических циклов, в которой дополнил теорию Дж. Голдстоуна понятиями «трансформация структуры» и «структурно-демографический кризис», отражающими нарастание социального напряжения в условиях демографического сжатия, чреватое вооруженными столкновениями различного масштаба и сдвигом социума в сторону этатизма [Нефедов 2007]. Кроме дореволюционной России им были изучены более 50 демографических циклов в странах Востока, результаты исследования которых обобщены в монографии «Факторный анализ исторического процесса. История Востока» [Он же 2008]. Совершенно неслучайно на обложку книги вынесено название, подчеркивающее другой важный аспект проблемы, связанной с перенаселением: «Война и общество».

Демографически-структурная теория учитывает самые разные факторы, влияющие на изменение численности населения: климат, эпидемии, военные революции, дающие возможность с помощью более совершенного оружия вести успешные завоевания других народов, процессы модернизации и т. д. Но определяющим фактором остается возможность сохранения экологической ниши для производства достаточного количества средств существования. По мере повышения уровня экономического развития эти возможности расширяются, но не так быстро, как идет увеличение численности населения. Данное противоречие, замеченное в свое время Т. Мальтусом, назревая, дает целый спектр социальных конфликтов, выливающих в войны. Конечно, государства нередко предпринимают попытки решить свои проблемы за счет территорий соседей, но возможности здесь небольшие, так как в ходе прежних, обычно частых, войн все, что можно было легко захватить, уже захвачено и дальнейшие приобретения почти невозможны. Поэтому остается путь внутренней трансформации социальной структуры общества, которая идет с использованием как мирных средств, так и вооруженного насилия.

Общество пытается разрешить внутренний конфликт, связанный с тем, что в условиях демографического сжатия оно уже не может мириться с растущим изъятием у него ресурсов в пользу все более многочисленных (за счет естественного прироста) социальных слоев, обладающих властью и богатством, но не вносящих достаточного вклада в народное хозяйство. Иногда с помощью реформ удается ограничить перераспределение ресурсов в их пользу, однако при крайнем обострении ситуации вопрос решается в ходе гражданских войн, с большими, а

нередко и очень большими, потерями населения, что снижает демографическую нагрузку. В результате войн к власти приходят режимы, стремящиеся проводить более справедливую социально-экономическую политику, либо откровенно этатистские, устанавливающие государственный диктат, не позволяющий вновь подняться и разрастись эксплуататорским слоям.

Особенно отчетливо эти процессы видны в истории стран Востока с развитой аграрной экономикой. Имея сильное государство, они постоянно занимались регулированием социальных процессов. Но в условиях демографического сжатия развитие событий все больше выходило из-под контроля. Обезземеливание крестьян множит число обездоленных – потенциальных повстанцев. С другой стороны, растущая земельная рента позволяла богатеть помещикам, получил распространение абсентеизм, показывающий обществу, что это лишнее, ненужное звено в экономике, которое следует устранить. Положение усугублял раскол в правящем классе. Отдельные его представители и группировки начали выступать либо на стороне народа, либо с позиции своих групповых интересов. Часто итогом борьбы было крушение династий и государств. Внутренний конфликт нередко усугублялся нападениями извне.

Крупные демографические потери периода смуты разряжают аграрное перенаселение. Это позволяет обществу выйти из прежнего тупика и дает ему новые возможности развития, чему также способствует целенаправленная политика государства. В условиях послевоенного восстановления и подъема экономики идет внедрение тех новшеств, которые появились за прошедшее время или были заимствованы у соседей (сорта и виды растений, новые орудия и т. д.). Совершенствуются социальные технологии. Развитие производительных сил на частично обновленной основе позволяет несколько увеличить емкость экологической ниши, и в дальнейшем демографические циклы охватывают уже более многочисленное население.

В капиталистической системе государств, к концу XIX в. охватившей весь мир, как известно, имелось слабое звено – Россия, отягощенная проблемами традиционного общества, главная из которых – аграрное перенаселение. Прорыв в слабом звене в дальнейшем образовал огромную брешь – от Восточной Европы до Восточной Азии. Почти все страны вновь возникшего социалистического лагеря в прошлом имели сходные проблемы, предопределившие их переход к этатизму. Там существовала необходимость в аграрной реформе, высокого уровня достигло огосударствление промышленности (в Китае более 80 %) [Непомнин 1995], ощущалась потребность в освобождении экономики от гнета иностранного капитала. Практически ситуация в странах прорыва созрела для революционных перемен.

Система социалистических государств родилась в огне мировых и гражданских войн, сопровождавшихся большими демографическими потерями, на время снявшими проблему перенаселения. Начав с низкого старта, она добилась больших успехов в индустриализации и модернизации общества. В сочетании с уравнительностью это дало достаточно большие возможности для расширения экологической ниши. Крушение социалистического лагеря было связано в первую очередь с тем, что этатизм недолговечен. С одной стороны, из-за широкого использования мобилизационных методов произошло перенапряжение системы, у народа накопилась усталость, с другой – этатизм подрывался стремлением общества к хотя бы

минимальной свободе рыночных отношений для удовлетворения своих бытовых потребностей. И, конечно, немаловажную роль сыграл Запад, в годы перестройки подтолкнувший к гибели своего геополитического конкурента.

Исследователи демографических циклов обычно не распространяют своих концепций на современное общество¹, которое, как они полагают, уже не столь зависимо от природной емкости экологической ниши. Действительно, научно-технический прогресс значительно раздвинул границы возможностей человека, и наиболее развитые страны, демографический рост в которых почти прекратился, не ощущают недостатка в продуктах питания. Однако в мире в целом ситуация принципиально не изменилась: численность населения уже превысила 7 млрд человек и продолжает расти быстрыми темпами, а возможности Земли все же ограничены.

Среди ученых все чаще высказывается мнение об угрозе возникновения новой «мальтузианской ловушки», уже не только продовольственной, но и в целом ресурсной [Фитуни, Абрамова 2012]. То есть проблема перенаселения фактически переместилась со странового и регионального уровня на глобальный. И здесь мы можем видеть действие тех же социальных механизмов, что и в традиционных обществах на этапе демографического сжатия. Дефицит продовольствия и ресурсов растет, социальные противоречия обостряются как внутри государств, так и в мире в целом между бедными странами и богатыми, составляющими «золотой миллиард». В самом «золотом миллиарде» множатся конфликты. Американское движение «Оккупируй Уолл-стрит» своей активной протестной деятельностью обратило внимание общественности на тот факт, что богатства все больше стягиваются к 1 % населения. В настоящее время ему принадлежит половина мирового состояния. Всего 85 человек владеют капиталом, равным тому, что приходится на 3,6 млрд бедняков [И сам... 2014]. По другим данным, 1318 владельцев (корпораций, организаций и индивидуумов) контролируют 60 % глобального дохода, а 147 компаний – 40 % мирового богатства [Фитуни, Абрамова 2012]. Известно, что монополизм, в данном случае глобальный, не способствует развитию экономики. С другой стороны, такая запредельная концентрация капитала дает возможность его обобществления в той или иной форме. Эта проэтатистская тенденция нарастает и выражается во все более активной деятельности государств в сфере финансового контроля.

Если почти столетие тому назад распространившееся в мире огосударствление экономики было ускорено в результате прорыва в «слабом звене» мировой системы, то в настоящее время оно может быть связано с устранением ее «лишнего звена». Согласно демографически-структурной теории, такие кардинальные перемены на страновом уровне сопровождаются государственным кризисом, распадом государства («брейкдауном») и ведут к гражданским войнам, революциям. На глобальном уровне также возможны большие потрясения и крушение существующего мирового порядка. Собственно, этот процесс уже идет, свидетельством чему является неутраченный глобальный кризис. Вопрос только в том, чем все это закончится и какую цену придется заплатить человечеству за грядущие перемены.

¹ Хотя в этом вопросе есть подвижки. О. Е. Непомнин включает в последний демографический цикл Китая период после 1949 г. [Непомнин 2011].

Кроме численности, на ход исторического процесса мощное влияние оказывает структура человечества. Основной единицей анализа глобальной структуры является народ. Далее идут их этнически родственные и региональные общности. Человечество также делится по расовым признакам. Представление о том, что в мире существуют Запад и Восток, подводит нас к самому началу структуризации человечества как целого, однако чаще всего дело ограничивается лишь признанием внешних проявлений этих различий в культуре, политике, экономике. Между тем наука накапливает все больше фактов, свидетельствующих о том, что это разделение очень глубокое, естественное по своему происхождению, отражающее бинарную структуру всего живого и являющееся одним из основных источников исторического развития человечества, его движения во времени и пространстве [Рябченко 2012].

Восточно-западная структура мира, несмотря на свою элементарную простоту, в действительности имеет сложный характер. Различия в наибольшей степени проявляются между народами Западной Европы и Восточной Азии. Это заметно в их расовом типе и особенностях менталитета, связанных с преобладанием логического мышления у одних и образного – у других, что обусловлено большей активностью левого и соответственно правого полушарий головного мозга [Ротенберг, Аршавский 1984; Санжиев 2002]. Столь глубокие различия влияют на все сферы деятельности живущих здесь народов, и за многие тысячелетия на западе и востоке ойкумены сложились культуры и цивилизации, во многом полярно отличающиеся друг от друга. Сегодня это два ярко выраженных культурно-цивилизационных ядра человечества, причем в западное входят государства, созданные европейскими переселенцами в Северной Америке, Австралии и Южной Африке. Все остальные народы образуют переходную зону между двумя мировыми полюсами, что видно по их антропологии и культуре.

Если не касаться Латинской Америки, крупнейшего переходного региона, сформировавшегося исторически сравнительно недавно, то можно увидеть, что в центральной части Северной Евразии большую часть этой зоны занимает Россия и к ней с запада примыкают страны Восточной Европы, а на юге, от Турции до Индии и Индонезии, простирается другой пояс переходных стран, очень мало связанный с первым. Геополитически северный пояс является основным, связывающим Запад и Восток. Южный пояс менее значим, он гораздо слабее связан с Западом (только через Балканы) и не достигает восточного полюса, отгороженного Гималаями. Такое разделение частично, иногда довольно существенно, ограничивает действие мировых событий, локализует их в одном из поясов. Это надо учитывать, особенно когда возникают военные угрозы. Во-первых, они естественным образом будут в какой-то степени локализоваться в своем регионе. Во-вторых, не следует стремиться выдвинуться из одного пояса в другой, так как вмешательство в чужие события, «чужую игру» будет малопродуктивным, как это было с советским вмешательством в Афганистане.

Запад и Восток по-разному проявляют себя на мировой арене. Запад – генератор всевозможных изменений и новшеств, Восток же склонен к устойчивости и гармонии. Вместе они дают механизм развития, суть которого как раз и есть сочетание изменчивости и устойчивости. Причем в разные эпохи ведущую роль играет то один мировой полюс, то другой. В далеком прошлом это был Восток, затем, более пятисот лет назад, началось возвышение Запада, сейчас на передовые пози-

ции опять начал выходить Восток. Экспансия Запада носила преимущественно военный характер и охватила весь мир. Восток, страны восточного культурно-цивилизационного ядра, всегда стремились не выходить далеко за пределы своего региона. Войны здесь носили преимущественно локальный характер, и только волны воинственных восточных кочевников иногда достигали Европы.

Различаясь кардинально, два мировых региона во многих своих чертах являются воплощением мужского и женского начал, а если вспомнить о преимущественной лево- и правополушарности населяющих их народов и еще сохранившихся кое-где в Азии (Юго-Западный Китай) следах матриархата, то можно говорить о большей мужественности Запада и женственности Востока. Здесь следует отметить важный, но редко замечаемый факт: строй, при котором в настоящее время живут все земляне, – это патриархат. И если восточно-западная полярность разделяет мир по горизонтали, то одновременно он разделен по вертикали на мужчин, обычно главенствующих в обществе, и женщин, занимающих преимущественно подчиненное положение. Это два естественных класса, от которых берут свое начало любые социально-экономические, политические и культурные структуризации, какие только можно встретить в истории, надо только внимательно к ним присмотреться. И еще не следует забывать, что в мире нет ничего неизменного, соответственно и патриархат не может сохраняться вечно. Более того, нельзя не видеть и не учитывать, что в последние сто лет он переживает серьезный кризис. Его составные части – мировые войны, в которых мужчины уничтожали друг друга десятками миллионов, мировые экономические кризисы как проявление неспособности организовать должным образом мировое хозяйство, революции, свергающие обанкротившиеся режимы. На таком фоне роль и влияние женщин в обществе постоянно растут.

После крушения абсолютных монархий, бывших оплотом и вершиной патриархальной власти, борьба в глобальном социуме идет вокруг «улучшения» существующего строя. Задействован весь спектр политических сил – от крайне левых до крайне правых. По сути же позиции противоборствующих сторон все больше разделяются по линии сторонников сдающего позиции либерального курса и их решительных консервативных противников. Корни конфликта уходят далеко в глубь веков, когда воинственные викинги, накопив огромные сокровища, дальше повели себя «не по-мужски»: от военных грабежей перешли к организации денежной экономики и извлечению из нее прибылей². Как известно, война – мужское занятие, а экономика (изначально: обустройство дома) – женское. Можно сказать, что тогда мужчины заступили на «женскую территорию», тем самым положив начало трансформации традиционного мужского поведения и сопутствующих ему ценностей в сторону их пока еще косвенной феминизации. Практически были сделаны первые шаги в сторону коренного изменения уклада жизни народов. В счетной палате Роберта Дьявола Нормандского (1028–1035 гг.) возникли многие экономические понятия и термины, сохранившиеся до наших дней. Норманнскими завоевателями были образованы государства протокапиталистического типа сначала в Англии (1066 г.), потом на Сицилии, откуда новые методы ведения дел стали распространяться по Европе [Шпенглер 2009].

² Неслучайно в уголовном мире, а это мужской мир, такое «недостойное» поведение, ведущее к отрыву от прежнего образа жизни и деятельности, особенно если это касается вожаков, традиционно считается предательским, не говоря уже о тех случаях, когда вожаки попадают под женское влияние, как в известной песне о Стеньке Разине.

Буржуазные революции завершили процесс становления капитализма как мировой системы, одновременно стали нарастать его внутренние противоречия, приведшие в 1917 г. к отпадению от него России, радикально изменившей свою социальную политику, и укреплению позиций социалистических партий, что благоприятно повлияло на эмансипацию женщин. Фашизм, напротив, стремился сохранить прежние традиционные роли полов в обществе [Пленков 2004]. В послевоенный период критика капитализма слева и молодежные протесты 1968 г. открыли шлюзы дальнейшей феминизации западных обществ.

Исламские страны быстро поняли угрозу своим устоям, идущую через западное влияние. Направленная против вестернизации исламская революция в Иране (1978–1979 гг.) стала поворотным пунктом в их борьбе за сохранение старых патриархальных порядков, которая начала быстро набирать силу. Революция произошла в успешно модернизовавшейся при шахском режиме стране. Причины ее были отнюдь не экономическими и даже не религиозными, хотя и под религиозными покровами, а скорее, сугубо консервативно-охранительными, скрывалась попытка противостоять эрозии патриархальных порядков. Иран пытался распространить религиозный радикализм за рубежом, но не встретил поддержки в исламском мире. Его влияние ограничилось спонсированием антиизраильских группировок в Ливане и Палестине [Ланда 2005]. Поэтому упреждающие действия в Афганистане СССР, обеспеченные сохранением спокойствия в советской Средней Азии, оказались крупной военно-политической ошибкой.

В конце XX в. Западу с большим трудом удалось «заделать» брешь, образованную в мировом капитализме социалистическим лагерем. Но, достигнув полной гегемонии и перейдя к формированию глобального мира по своему образу и подобию, он все сильнее обостряет существующие противоречия. Современный глобальный кризис уже нельзя рассматривать только как кризис капитализма и вестернизации мира. По сути, это кризис патриархата. Оказались исчерпанными те пути развития, которые он мог предложить человечеству. Жизнь подсказывает, что людям придется отказаться от прежних крайностей борьбы с природой и перейти к более гармоничному взаимодействию с ней. Восток и женское начало открывают такую перспективу, и мировое развитие все больше смещается в их сторону. Но это не идеальное решение. Запад и деятельное мужское начало не могут быть исключены из глобального развития, без них миру грозит застой и деградация. Предстоит поиск путей к гармонизации отношений между Западом и Востоком, мужским и женским началом.

Затянувшийся глобальный кризис позволяет более отчетливо видеть силовые поля и критические точки мирового целого, а также тенденции его дальнейшего развития. В ходе нынешнего кризиса, сильнее поразившего Запад, быстрее меняется соотношение сил в пользу Востока, его восточноазиатского культурно-цивилизационного ядра. В северной переходной зоне Запад, укрепляя свои позиции, попытался с помощью Европейского союза втянуть Украину в орбиту своего влияния, что вызвало там острые внутренние противоречия и вооруженные столкновения. На Украине также проявился конфликт интересов Запада с Китаем, начавшим широкомасштабное экономическое «освоение» украинской территории. В его планы входило взять в аренду 3 млн га под выращивание зерновых, на западном побережье Крыма построить крупнейший на Черном море порт для вывоза сельскохозяйственной продукции, а для удобства дальнейшей транспорти-

ровки грузов прорыть канал, параллельный Панамскому [Китайцы... 2014]. Смелость китайских проектов говорит о возможностях Востока, которые пока не удалось реализовать, но дальше их потенциал будет только расти.

Усиливается напряжение в южной переходной зоне, что обусловлено быстрым демографическим и экономическим ростом расположенных здесь государств – Турции, Ирана, Пакистана, Индии, ранее находившихся в упадке, колониальной и полуколониальной зависимости, а сейчас стремящихся к более активной мировой роли. Центральное место среди них занимает Иран, наиболее удаленный как от западного, так и от восточного мировых полюсов и, благодаря колоссальным запасам нефти и газа, самодостаточный в экономическом плане. Немаловажно и то, что исторически это одна из мировых держав, еще во времена Античности вступившая в борьбу с начавшим активизироваться Западом. Кроме того, Иран – самый радикальный противник идущей с Запада эмансипации и феминизации. Поэтому именно в данной точке мира все больше сосредотачиваются глобальные исторические противоречия Запада и Востока, мужского и женского начал.

В последние 20 лет локальные и гражданские войны на Ближнем Востоке идут по нарастающей. Гражданская война в Сирии, поддерживаемая Западом, очень сильно напоминает такую же войну в Испании, ставшую пробой сил перед развязыванием Второй мировой войны. Существует опасность расширения военной конфронтации в регионе. Втягивание в нее амбициозного Ирана, входящей в НАТО Турции, а затем, возможно, и отягощенного внутренними социальными и политическими противоречиями Пакистана чревато большой войной. Россия пытается сдержать опасное развитие событий, но она не может их остановить. Для нее желательно избежать участия в разгорающемся конфликте на Ближнем Востоке, помнить, что это не ее война.

Запад, отступая, пытается собрать силы для контратаки, для чего наращивает военный и экономический потенциал путем расширения НАТО, Европейского союза, старается разложить и ослабить своих противников на Востоке, обвиняя их в недемократичности, нарушении прав и свобод человека [Глобалистика... 2016]. Одновременно предпринимаются военные акции с целью раздробить консервативные антизападные силы исламского мира, усилить здесь свое влияние и максимально изолировать Иран, чтобы в конце концов сокрушить этого упряма. Фактически идет борьба за будущее. Запад воинственно отстаивает те общечеловеческие ценности, представления о которых во многом сформированы его цивилизацией, – рациональность, свободу, демократию, личное достоинство. Востоку также есть что защищать. На кону судьба патриархального строя. Хотя слишком легкая победа Востока, а в перспективе, несмотря на упорное сопротивление восточных мужчин и восточной, не «испорченной» Западом «женственности» могут если не полностью похоронить защищаемые Западом ценности, то, во всяком случае, подорвать их и ослабить.

Таким образом, назревающий глобальный конфликт имеет сложный многоуровневый характер и отражает противоречия не только наших дней, но, похоже, и всей истории человечества. С одной стороны, мы наблюдаем переполнение глобальной экологической ниши человечества, что само по себе несет угрозу всевозможных столкновений и войн, с другой – происходит смена ведущей роли культурно-цивилизационных полюсов от западного к восточному. Одновременно

имеет место углубление кризиса патриархата, чреватое разрушением всей современной мировой системы, самих ее основ.

Можно предположить, что смена старой системы или ее радикальное обновление будут происходить уже известными и многократно опробованными путями и методами. Первое, что люди попытаются сделать, – это, как и раньше, опереться на разум. Более скудные ресурсы начнут распределять более рационально, будут стараться терпеть стесненные обстоятельства глобального демографического сжатия. Но это не может продолжаться бесконечно, в какой-то момент кто-то не выдержит, произойдет, казалось бы, локальный конфликт, который в условиях общего кризиса станет развиваться дальше. Должна будет произойти разрядка напряжения мировой системы. Всегда в прошлом она сопровождалась войнами и эпидемиями. Сейчас такого поворота событий тоже нельзя исключать. Ухудшение климата и вызванные этим неурожаи, стихийные бедствия также могут спровоцировать или усилить негативное развитие событий.

Правда, прежний отрицательный опыт все-таки имеет вразумляющее действие. После двух мировых войн человечество смогло более-менее соорганизоваться и начало выступать солидарно. Но сколько еще потребуется времени, чтобы современная цивилизация достигла зрелости и смогла достаточно эффективно регулировать свое развитие? Хотя ход истории в целом, наверное, все равно невозможно контролировать. Например, нельзя сохранить в неизменном виде патриархат, остановить или произвольно повернуть вспять взаимодействие Запада и Востока. Даже рост численности населения, так или иначе влияющий на большинство процессов в обществе, слабо поддается регулированию.

Мечта человечества о вечном мире пока так и остается мечтой. Войны не прекращаются. Но, похоже, в истории нет ничего лишнего. При всех бедствиях, которыми сопровождаются войны, это один из способов исторического движения людей, вещей, знаний. Диалектическая связь орудия и оружия через развитие научного и технического прогресса в конечном итоге привела к тому, что ракетное и ядерное оружие как высшая точка развития вооружений сыграли роль орудия проникновения человека в макро- и микромир. Казалось бы, пути для дальнейшего, теперь уже мирного, развития открыты. Освоение космоса предоставляет безграничные возможности утилизации с пользой для прогресса цивилизации излишков земной производящей экономики, не прибегая к такому традиционному средству, как войны. Познание мира атома открывает самые широкие перспективы для созидательной, а не разрушительной деятельности человека. Но история не ходит прямыми путями. Даже ясные и вполне реальные цели достигаются в ходе противоречий и борьбы интересов, которые очень хорошо охраняются. За несколько лет до нынешнего экономического кризиса известный американский экономист Майкл Хадсон обратил внимание именно на эту сторону современной действительности: «Я знаю, что если перекрыть “мыльный” финансовый рынок – все более или менее нормализуется, но вопрос в том, как противостоять американской армии, охраняющей эту идею?» [Хадсон 2005].

По законам драматургии, висящее в первом акте на сцене ружье в последнем должно выстрелить. Помня о несметных запасах оружия, накопленных государствами, также нельзя не учитывать возможность драматической развязки. Огромная мощь ядерного оружия является сдерживающим фактором в развязывании войн. Тем не менее вероятность их возникновения, как локальных, так и более

крупных, в том числе атомных, сохраняется. Возможно, в процессе дальнейшего развития цивилизации человечество сможет отказаться от оружия. Однако это еще не будет решением проблемы. Надо будет также полностью отказаться и от насилия, которое является более глубоким уровнем проблемы войн. Оно может существовать в разных формах, и справиться с ним гораздо труднее, чем «перековать мечи на орала».

Еще не ушли в прошлое (и, похоже, не собираются уходить) пропагандистские, информационные, психологические войны. Совершенствуются и появляются новые средства соответствующего воздействия на человека. Этот изощренный арсенал насилия имеет немалые шансы войти в будущее, где во все плотнее регулируемом мире будет использоваться, чтобы лишить человека свободы и удерживать его в таком состоянии, только более тонкими, чем прежде, средствами, а война мускулов перейдет в войну, атакующую сознание и психику людей. Надо думать и искать пути, как избежать этих опасностей, контуры которых просматриваются уже в наши дни.

Литература

Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й. : ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И. В. Ильин, И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М. : КноРус, 2016.

И сам не ам... // Золотой рог. 2014. 28 января.

Кейнс Дж. Экономические последствия Версальского договора. М.; Л., 1924.

Китайцы добрались до украинских закров // Московский комсомолец. РРЕ. 2014. 12–19 февраля.

Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 14–18 [Электронный ресурс]. URL: <http://i-g-p.ru/page/stream-library/index-2148.html> (дата обращения: 21.04. 2014).

Непомнин О. Е. Гомиьндановский госсектор и концепция «бюрократического капитала» // XXVI научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы и доклады. М., 1995.

Непомнин О. Е. История Китая. XX век. М. : Ин-т востоковедения РАН, Крафт+, 2011.

Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2005.

Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2007.

Нефедов С. А. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М. : Территория будущего, 2008.

Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. СПб. : Нева, 2004.

Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Межполушарная асимметрия мозга и проблема интеграции культур // Вопросы философии. 1984. № 4.

Рябченко Н. П. От глобализации к глобальной цивилизации. Владивосток : Даль-наука, 2012.

Санжиев Б. Н. Китайское иероглифическое письмо и асимметрия функций мозга // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. Ин-т востоковедения. М. : Вост. лит-ра, 2002.

Фитуни Л., Абрамова И. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 7.

Хадсон М. Бесплатный ланч для паразитов. Основы современной «демократической» экономики / пер. Л. Критской. 2005. 30 декабря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1135894080> (дата обращения: 21.04.2014).

Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. М. : Академический Проект, 2009. Т. 2.